

*Е.В. Соломина**

ДИСКУРС-АНАЛИЗ В ИЗУЧЕНИИ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ: СИЛЬНЫЕ СТОРОНЫ И ОГРАНИЧЕНИЯ НА ПРИМЕРЕ КОНЦЕПЦИИ О.ВИВЕРА

Анализ использования в изучении международной и внешнеполитической проблематики методологии, предложенной Оле Вивером, продемонстрировал открываемые дискурс-анализом возможности и ограничения. Сосредоточение на уровне текста не позволяет принять во внимание факторы, действующие за пределами дискурса, однако работа с текстом позволяет избежать необходимости анализировать истинную мотивацию акторов.

Анализ дискурса¹ в последнее время привлекает к себе значительное внимание отечественного академического сообщества, в том числе исследователей, занимающихся внутри- и внешнеполитической проблематикой и теорией международных отношений [1]. Очевидно, что использование методик, проблематизирующих природу и функционирование языка, открывает возможность по-новому взглянуть на предмет исследований, и интерес отечественных ученых к дискурсивным практикам — важное тому подтверждение.

Среди подобных подходов именно критический дискурс-анализ предлагает развитый инструментальный анализ социальной реальности [2], активно разрабатываемый в зарубежном академическом сообществе; как и любая другая методология, критический дискурс-анализ имеет свои сильные и слабые стороны, обсуждение которых и стало целью данной статьи.

Многогранность понятия дискурса делает его привлекательным для исследователей, поскольку его сложная природа открывает широкий спектр возможностей для применения в прикладных проектах. Источниками представлений о политическом дискурсе стали идеи таких философов, как М.Бах-

* © Соломина Е.В., 2007

Соломина Екатерина Владимировна — Сургутский государственный университет

тин, А. Грамши, М. Фуко, Р. Барт, Ю. Хабермас. Дискурс-анализ «пересекает и перемешивает границы между постструктурализмом, постмодернизмом и некоторыми феминистическими подходами и социальным конструктивизмом» [3.Р.233]. Т. Диез подразделяет дискурс-анализ на три направления, связанные соответственно с идеями Остина, Фуко и Деррида [4]. Милликен выделяет «три аналитически различимые связки теоретических утверждений»: изучение дискурса как систем значений/смыслов, изучение дискурса в качестве феномена, продуцирующего социальный мир, и изучение дискурса, рассматриваемого как игра практики [3.Р.230]. Русакова и Максимов отмечают, что дискурс-анализ в исследованиях, посвященных политическим смыслам, существует в двух ипостасях: как критический дискурс-анализ и как постмодернистский. И если постмодернистский дискурс-анализ рассматривает все социальные практики как дискурсивные, то критический явно лингвистически ориентирован [1]. Более того, критический дискурс-анализ, являющийся одним из направлений анализа дискурса, наряду с дискурсивной психологией, критической лингвистикой, анализом речевого общения, социолингвистикой, сам по себе представляет сложное единство, которое включает в себя несколько более узких и конкретных подходов, заинтересованных, прежде всего, в «понимании природы власти и доминирования» [5.Р.301]. Гаврилова описывает несколько подходов к анализу политического дискурса: критический дискурс-анализ, когнитивный, описательный и количественный; когнитивный метод, в свою очередь, включает в себя такие более частные методологии, как анализ политических концептов, метафорическое моделирование, лингвоидеологический анализ политического дискурса, моделирование политического процесса, а в рамках описательного подхода перечислены лингвостилистическое, семантическое и психолингвистическое направления [6].

Именно критический дискурс-анализ, на наш взгляд, открывает наиболее интересные возможности для анализа внешней политики, поскольку он ориентирован на работу с текстами и языковыми феноменами; более радикальные варианты дискурс-анализа, настаивающие на восприятии социальной реальности исключительно в качестве набора дискурсивных практик, вступают в серьезный конфликт с традиционной наукой и научной методологией. Деконструкция, введенная в философский обиход Ж. Деррида, является интересным, но крайне контрпродуктивным подходом к оценке социальной реальности, и тезис о том, что все существующие образы действительности сформированы доминирующими дискурсами [1.С.34], ведет к своего рода замкнутому кругу, поскольку всякое высказывание о реальности ставится под сомнение, в том числе и научное высказывание, пытающееся проблематизировать какой-либо доминирующий дискурс.

Все существующие в рамках критического дискурс-анализа направления обладают рядом общих особенностей, среди наиболее важных – уже упоминавшиеся нами лингвистически-ориентированный подход и трактовка дискурса как коммуникативной акции, существующей в форме текста и речи. Помимо этого, критические подходы воспринимают дискурс как вербальную

репрезентацию идеологического доминирования, обращают особое внимание на разоблачение дискриминационного содержания доминирующих дискурсов, а также считают дискурсы властных элит и СМИ основными источниками властной асимметрии [1.С.30].

Иными словами, среди основных свойств дискурса – способность навязывать значение и структурировать социальную реальность, причем успешно это могут осуществлять те акторы, которые обладают властным ресурсом, достаточным для производства и закрепления своей интерпретации феноменов социальной реальности. Воспроизводство значений также является крайне важной функцией дискурса, поскольку как только определенный дискурс перестает воспроизводиться на постоянной основе, он перестает рассматриваться в качестве единственно возможного взгляда на конкретный феномен, и его место будет занято альтернативной интерпретацией данного феномена [7.С.11]. Очевидно, что лишь ограниченное число дискурсивных конструкций способно получить доминирующее положение и возможность структурировать реальность, оставшаяся их часть остается изолированной. Доминирующие дискурсы, для того чтобы выжить, должны навязывать значения, которые они предписывают, путем повторения, укрепления и материализации [8.Р.50–51]. Однажды установленный, доминирующий дискурс контролирует и ограничивает варианты интерпретации реальности.

Процесс контроля над значением локализован, скорее, в «предписанной структуре значения, на которую говорящие должны опираться, чтобы быть понятыми, чем в говорящем субъекте» [7.С.15]. Структуры значения в качестве средств контроля над смыслом являются общим элементом всех подходов, существующих в рамках критического дискурс-анализа. Милликен считает, что понимание дискурса как «структуры значения в пользовании» в большей или меньшей степени разделяется теоретиками, пользующимися данными подходами, данный консенсус возможен благодаря эмпирическому анализу языковых практик. Структуры значения понимаются не как объективно данные и открытые для использования акторами, продуцирующими дискурс, и их аудиториями, а как некие структуры, регулярно воспроизводимые в процессе продуцирования и потребления дискурсов. По мнению Милликен, это подразумевает следующий ход исследования дискурса: исследователи «должны эмпирически анализировать языковые практики (или их эквиваленты), для того чтобы вывести более общую структуру относительных разграничений и иерархий, которые организуют знание индивида о вещах, определяемых дискурсом» [3.Р.231]. Иными словами, дискурс-анализ позволяет вычлени и оценить нормализованные в дискурсах структуры значений.

Эта важная возможность, открываемая использованием критического дискурс-анализа, становится очевидной при описании следующей методологии, называемой Милликен «методом противопоставлений»². Данный метод позволяет сопоставить «правду» о конкретном феномене, навязываемую одним из дискурсов, с событиями или проблемами, которые данная «правда» не учитывает или не признает, и, таким образом, сопоставляя доминирующие дискурсы с другими одновременно существующими историями, не пользующи-

мися теми же определениями произошедшего, позволяет сформулировать отношения между протагонистами иными способами. Таким образом, доминирующие интерпретации социальных реалий предстают значительно более проблематизированными, поскольку подобное сравнение демонстрирует внутренне присущую официальным дискурсам политизированность [З.Р.243].

Оппозиция между доминирующими и маргинальными дискурсами тесно связана с концептом власти. Основанием для разграничения между двумя данными категориями является способность того или иного дискурса закрепиться в общественном пространстве, быть регулярно воспроизводимым, а также послужить источником для дальнейшего формирования представлений о феномене, который они представляют. Очевидно, что способность дискурса успешно функционировать, зависит от того, кто является его автором. Так, в сильной президентской республике тексты, озвучиваемые или выходящие за подписью президента, обладают значительно большей силой и способностью к закреплению и воспроизведению, чем тексты, продуцируемые маргинальной политической группировкой. Подобные «чистые» случаи встречаются достаточно часто, однако нередки и более проблематичные ситуации. Например, труднее отнести к той или иной группе тексты, продуцируемые представителями оппозиции в двух- или многопартийной системе: их доступ к средствам закрепления и воспроизведения дискурсов легитимизирован и значительно высок, однако в неидеальной ситуации он может быть ограничен при давлении партии (партий), находящейся у власти. Соответственно, в каждой конкретной ситуации, прежде чем определить, какие из наличествующих дискурсов доминируют, а чье влияние ограничивается, необходим внимательный анализ соотношения властных позиций.

Существует значительное число работ, посвященных использованию анализа дискурса как инструмента исследования внешней политики³. Даже самый беглый их обзор демонстрирует широкое разнообразие теоретических оснований и предложений по практическому применению. Мы хотели бы рассмотреть в качестве примера один из наименее мета-теоретических подходов, ориентированных на использование методологии анализа дискурса как инструмента исследования внешней политики. Нашей целью является изложение содержания данного подхода, а также обсуждение его сильных и слабых сторон.

Мы остановились на работе Оле Вивера, одного из представителей Копенгагенской школы, посвященной анализу внешней политики, по двум причинам: во-первых, подход, предложенный Вивером, построен на основе представлений о дискурсе, разделяемые большинством исследователей⁴, а во-вторых, теоретические выкладки, разработанные в рамках его работ, использованы в эмпирических исследованиях, что выгодно отличает методологию Вивера от многих подходов, сконцентрированных исключительно на уровне мета-теории [9].

Вивер полагает, что дискурс способен систематически организовывать знание и таким образом разграничивать то, что может быть сказано, а что не

может. Соответственно, анализ дискурса в его трактовке сосредоточен на поиске правил, регулирующих возможность или невозможность произнесения тех или иных утверждений⁵. Вслед за Фуко О. Вивер настаивает на том, что дискурсы определяют то, какие высказывания могут существовать, а какие нет, однако данные правила не могут быть наблюдаемы независимо от высказываний. Данный подход, таким образом, пытается найти структуры значений на том самом уровне, на котором они генерируются. В целом в подходе к анализу внешней политики предложенном Вивером, важно также то, что предложенная им структура анализа дискурса в некоторой степени способна учитывать преемственность и изменение внутри системы дискурсов (существующей в рамках государства или содружества государств или мировой политической системы), однако он признает, что в случае, если изменение происходит вне системы, то инкорпорировать в анализ преемственность и изменение в данном случае будет проблематично [9].

Специфика работы Вивера заключается в предмете ее анализа, а именно анализ взаимоотношения национальных и европейской идентичностей и их отражение в процессе европейской интеграции. Имея в виду специфику предмета, он предлагает концептуализацию систем внешнеполитических значений в каждой из стран ЕС на трех уровнях: первый — основополагающие представления о государстве и нации; второй — представления государства/нации относительно Европы и третий — конкретная политика для Европы. Данные уровни, однако, не являются строго разделенными между собой, концепции, существующие на первом, функционируют на втором и третьем и т.д.

Вивер настаивает на важности последовательного следования текстам: верность данному уровню анализа без попыток увидеть за текстом истинные мотивации говорящих дает, по его мнению, возможность провести систематическую каталогизацию понятий, используемых для концептуализации государства/нации на первом уровне, и то, каким образом они функционируют на третьем. Интересно отметить, что, согласно Виверу, способность к более легкому изменению и переформулированию присуща концепциям второго и третьего уровней, в то время как концепции первого уровня, занятые оформлением представлений о государстве/нации, значительно сильнее укоренены в дискурсе.

Вивер не включает в рамки своей концепции вопрос об инструментальном использовании дискурсивных практик, возможно, отчасти потому, что настаивает на проведении анализа исключительно на уровне текстов, не рассматривая мотивации их авторов и прочие подобные факторы.

Среди авторов текстов, подвергаемых анализу, Вивер называет СМИ, политиков, академическое сообщество, однако, по его мнению, доминирующие структуры значения определяются в значительной степени ведущими политическими акторами. «Достаточным» для проведения значимого анализа становится тот объем текстов, который позволяет с некоторой уверенностью сказать, что на основе проведенного исследования дискурсивная структура, существующая на данный момент в конкретной стране, выглядит определенным образом. Если оппоненты укажут на текст или тексты, чья струк-

тура значений не отражена в концепции национального дискурса, ставшей результатом проведенного анализа, то анализ неадекватен.

На примере подхода к анализу дискурса, предложенного Оле Вивером, становятся особенно очевидны сильные стороны критического дискурс-анализа: во-первых, сосредоточение исследования на уровне текста снимает такие возражения, как невозможность оценить, инструментально ли используют дискурс его авторы или нет, поскольку вопрос мотивации акторов осознанно выведен за рамки анализа; во-вторых, до некоторой степени данный подход учитывает необходимость объяснения, за счет чего сохраняется преемственность или происходит смена доминирующих дискурсивных практик. Исключительно важно также, что такой проблемный аспект традиционных исследований внешней политики, как верификация полученных результатов, не затрагивает исследований, построенных в соответствии со схемами, предлагаемыми исследователями дискурса: само понятие верификации здесь неприменимо, поскольку существование «правды» о социальной реальности проблематизировано. Однако нельзя не отметить ответственную позицию исследователей дискурса, вводящих, как например Вивер, понятие «достаточности» текстов, подвергнутых анализу. Требование достаточности предполагает освещение исследованием всех альтернатив, представленных в текстах по изучаемому вопросу, если какие-либо альтернативные истории не представлены, то данный критерий не выполнен.

Слабой стороной дискурс-анализа является невозможность полностью включить в рамки данного подхода объяснение преемственности/изменений во внешнеполитическом курсе государств, поскольку данный метод не способен объяснить изменения, обусловленные факторами, находящимися за пределами системы дискурсов. Хотелось бы также отметить, что критерий «достаточности» также не является исчерпывающим, поскольку возможно предположить, что альтернативные высказывания по тем или иным внешнеполитическим проблемам появляются постоянно, что предполагает открытый характер набора текстов и четкое осознание как исследователем, так и его аудиторией, какой момент времени был выбран в качестве завершающего для анализируемого набора текстов.

Обозначив сильные и слабые стороны данного способа применения дискурс-анализа в сфере исследований внешней политики, необходимо упомянуть, каким образом с вышеназванными проблемами и вызовами справляются традиционные подходы к анализу внешней политики.

На данный момент дисциплина, изучающая внешнюю политику, представляет собой сочетание значительного числа зачастую противоречащих друг другу, но сосуществующих подходов, занятых анализом разнообразных аспектов, влияющих на формирование внешней политики. В результате их усилий создается очень детальная, но фрагментированная картина предметного поля. Фактическое отсутствие усилий по интеграции частных результатов в единое целое значительно ослабляет объяснительный и прогностический потенциал традиционной дисциплины. Дискурс-анализ же, напротив, целенаправленно создает единую картину функционирования внутренних дискурсов.

Основной, на наш взгляд, проблемный момент применения дискурс-анализа (невозможность учета факторов, влияющих на внешнюю политику извне системы дискурсов) в некоторой степени отсутствует в политическом реализме (так же, как и в неореализме, и структурном реализме), поскольку в рамках данного подхода, учтены факторы международной сферы, ограничения, существующие в международной среде и принуждающие акторов (государства, мультинациональные корпорации, международные организации) сужать количество вариантов внешнеполитического поведения. Именно эти факторы могут выходить за рамки систем дискурсов, и соответственно, критический дискурс-анализ не имеет возможности их исследовать [10].

Предложенный Вивером вариант использования дискурс-анализа применительно к внешнеполитической проблематике — один из многих, разработанных исследователями политического дискурса, на его примере очевидно, что сосредоточение анализа на уровне текста и работа дискурсивным оформлением взглядов на тот или иной аспект внешнеполитической реальности позволяют создать цельную картину внешнеполитической сферы той или иной страны или группы стран, причем данный метод анализа не ограничивает количества голосов, которые могут быть отражены в результатах исследования. Данная методика не позволяет, однако, принимать во внимание феномены, находящиеся вне системы дискурсов. Это ограничение, на наш взгляд, снимается возможностью отказаться от попыток выявить истинную мотивацию акторов, влияющих на принятие внешнеполитических ресурсов и избежать аргументационных ловушек, стоящих перед традиционными подходами. Помня о вышеназванных ограничениях и сильных сторонах использования дискурс-анализа, мы полагаем, что данная методология является интересным и продуктивным способом исследования внешнеполитической проблематики.

Примечания

¹ Также свидетельством интереса к вопросам, связанным с исследованиями дискурса, является в числе прочего серия изданий ИНИОН РАН «Политическая наука. Политический дискурс: История и современные исследования», выходящих с 2001 года и по настоящий момент.

² По мнению Милликен, данная методология сходна с «деконструкцией» [3. Р.239].

³ В частности, уже упомянутые работы Дженифер Милликен, Томаса Диеса и Джонатана Баха.

⁴ Оле Вивер значительное время работал в Институте по изучению проблем мира в Копенгагене, Copenhagen Peace Research Institute (COPRI), в котором активно изучаются безопасность, идентичность и дискурс.

⁵ О. Вивер основывает свое представление о дискурсе на работах Дрейфуса и Рабиноу, Фуко и Баргельсона.

Библиографический список

1. Русакова, О.Ф. Политическая дискурсология: предметное поле, теоретические подходы и структурная модель политического дискурса / О.Ф. Русакова, Д.А. Максимов // *Полис* — 2006. — № 4. — С. 26-43.
2. Wetherell, M. *Discourse Theory and Practice: A Reader* / M. Wetherell, S. Taylor, S.J. Yates. — L., 2001.
3. Milliken, J. *The Study of Discourse in International Relations: A Critique of Research and Methods* / J. Milliken // *European Journal of International Relations*. — 1999. — №5 (2). — P. 233.
4. Diez, Th. *Speaking 'Europe': the Politics of Integration Discourse* / Th. Diez // *Journal of European Public Policy*. -1999. — №6 (4). — P. 598-613.
5. Dijk, T.A. van. *Principles of Critical Discourse Analysis* / T.A. Dijk van // *Discourse Theory and Practice: A Reader*. Wetherell M., Taylor S., Yates S.J. (eds.) L., 2001.
6. Гаврилова, М.В. Политический дискурс как объект лингвистического анализа / М.В. Гаврилова // *Полис*. — 2004. — №3. — С. 126-137.
7. Shapiro, M.J. *Textualizing Global Politics* // *International/Intertextual Relations: Postmodern Readings of World Politics*. Lexington, Mass. Der Derian J., M.J. Shapiro (eds.). N. Y., 1989. — P. 11.
8. Bach, J.P.G. *Between Sovereignty and Integration: German Foreign Policy and National Identity after 1989* / J.P.G. Bach. — N. Y., 1999. — P. 50-51.
9. Weaver, O. *Identity, communities and foreign policy: Discourse analysis as foreign policy theory* // *European Integration and National Identity: the Challenge of the Nordic States*. Hansen L. / O. Weaver (eds). — L., 2002.
10. Mastanduno, D. *Towards a Realist Theory of State Action* / D. Mastanduno, J. Ikenberry // *International Studies Quarterly*. — 1989. — №33. — P. 457-474.

Статья принята в печать в окончательном варианте 13.12.2006 г.

E.V. Solomina

**OLE WEAVER'S APPROACH TO DISCOURSE ANALYSIS
IN FOREIGN POLICY RESEARCH:
OPPORTUNITIES AND LIMITATIONS**

Review of a way to use a discourse analysis inspired methodology in the sphere of International relations and foreign policy proposed by Ole Weaver demonstrates its strong and problematic sides. Concentration on the level of text does not allow into the analysis those factors that influence foreign policy process from outside the discourse, but this focus on the texts at the same time helps avoiding the need to look into the actors' motivation.